Кузнецова Е. В.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ НА ГАЙТО ГАЗДАНОВА И ПИСАТЕЛЕЙ-МЛАДОЭМИГРАНТОВ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/32.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 82-84. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ФРАНЦУЗСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ НА ГАЙТО ГАЗДАНОВА И ПИСАТЕЛЕЙ-МЛАДОЭМИГРАНТОВ

Кузнецова Е. В.
Астраханский государственный университет

Многие русские критики - эмигранты того времени отмечали сильное влияние французской литературы на творчество Гайто Газданова. Однако Гайто Газданов отличался от молодых писателей своего поколения, сумев избежать непосредственного влияния западной литературы (Пруста, Селина, Мальро и др.), в отличие, например, от Ю. Фельзена, Б. Поплавского и других писателей, четко следовавших традициям западной литературы.

В одной из своих рецензий Г. Адамович пишет, что «если его что-нибудь влечет, то по преимуществу - обнаружение разницы между понятиями «быть и «казаться: цель, близкая сердцу многих французских моралистов и психологов». Критик не в первый раз отмечает влияние французской литературы на Гайто Газданова. Вот, например, что писал в этом смысле о Газданове в 1930 г. М. Слоним: «Газданов несомненно находится под очарованием французской литературы, главным образом, современной. Его прельщает ее легкость, лоск, изящество. Неуловимый дух иностранщины веет в его произведениях. Ритм его фразы напоминает французские романы» [Слоним 1930: 446].

Но влиянию французской литературы был подвержен не только Газданов. Писатели молодого поколения в большинстве своем были билингвами, что давало им возможность активно заниматься проблемами не только русской литературы, но и западной, в частности французской. Они участвовали, в специально организованных Марселем Пеги и Всеволодом Фохтом, молодым поэтом и журналистом, совместно с редакторами малоизвестных французских журналов France et Monde и Cahiers de la Quinzaine «Франко-Русских собраниях». В рамках этой «Франко-Российской студии» проходили слушания докладов на злободневные темы. Два содокладчика с французской и русской стороны готовили свои выступления, темы которых сообщались всем за месяц до собрания. После прослушивания докладов начинались прения, в которых принимали участие все присутствующие.

По мнению современников, острые дискуссии, разворачивающиеся во время собраний, внесли больший вклад в развитие литературы французской и эмигрантской первой половины XX века, чем написанные в тиши кабинетов эссе или мемуары. Интересна тематика выступлений: «Проблема Достоевского», «Достоевский и Запад», «Гуманистический вклад М. Пруста», «Влияние русской литературы на французских писателей» и др. Из знаменитых французов на этих встречах выступил Поль Валери, из известных - критик Рене Лалу и католический писатель Станислав Фюме. Очень многие известные зарубежные писатели посещали эти собрания и участвовали в прениях.

Гайто Газданов активно выступал в прениях на этих собраниях, а также с докладами. Следует заметить, что эти вечера проходили на французском языке и Гайто Газданов проявил высокий уровень владения французским языком, надо было не только выступить с подготовленной речью, но и понять все то, что говорилось и обсуждалось. Встречи проходили на высоком эмоциональном подъеме. По воспоминаниям его современников, писатель отличался резкостью суждений, был нетерпелив и всегда высказывал свое мнение (вспомним о его кавказских корнях). Интересным, на наш взгляд является высказывание Газданова в прениях после доклада о Ф. Достоевском, сделанном Зайцевым, в котором он нашел много спорных точек. В частности он говорил по поводу представления Достоевского Зайцевым как пророка русской революции и даже как человека, тесно связанного с ней (что было очень модным в то время): «Мне кажется, что самая большая ошибка в докладе Зайцева - это представление Достоевского, как человека, прожившего трудную жизнь и много страдавшего, который нашел дорогу к победе и сумел указать ее нам» (перевод с франц. Е. К.) [Sebastien de Vogt 1929-1930: 141]. Также он считал ошибочным мнение Лалу, рассматривающего Достоевского как человека, побывавшего на Западе и ничего в нем не понявшего. Газданов дал свою оценку русскому писателю: «Самой большой заслугой Достоевского является то, что он, сам будучи мало образованным человеком, сумел найти слова, способные перевернуть литературный мир во всех странах» (перевод с франц. Е. К.) [Sebastiende Vogt 1929-1930: 141]. Из выступления Газданова, становится понятным его отношение к писателю. Он считает его больным, не нормальным человеком и предостерегает от подражания его опыту. Всего состоялось 14 заседаний. Последнее собрание датируется 24 февраля 1931 г. Общие интересы и желание найти точки соприкосновения, чтобы создать что-то новое, найти выход из тупика было задачей для всех, а для французов необходимо было еще разбить стереотипы для нового понимания окружающих, когда Европа казалось, не могла больше ни слушать, ни заставить слушать себя.

Другую попытку установить контакт с современной французской литературой и искусством сделал журнал «Числа», но тут дело далеко не пошло, да и сам журнал просуществовал недолго.

В ответе на анкету, проведенную в 1931 году «Новой газетой» о наиболее значительном и интересном произведении русской литературы за последние 5 лет, Ремизов, не назвавший ни одного такого произведения, писал: «Самым выдающимся явлением за 5 лет для русской литературы я считаю появление молодых писателей с западной закваской. Такое явление могло произойти только за границей: традиции передаются не из вторых рук, а непосредственно через язык и памятники литературы в оригинале. Для русской литературы это будет иметь большое значение, если только молодые русские писатели сумеют остаться русскими,

а не запишут в один прекрасный день по-французски и не канут в тысячах французской литературы» [Струве 1984: 235].

На книгу В. В. Вейдле («Умирание искусства») отзывался в одной из своих критических заметок молодой зарубежный романист Юрий Фельзен. Резюмируя мысли Вейдле по поводу романа, Фельзен писал: «…Основной порок теперешнего романа и всех других родов искусств - падение творческой фантазии, ее замена то жизненным документом, то формальной изощренностью, иногда скучной подделкой под классический роман, нередко «монтажом», особенно в американской и советской литературе…. Наиболее замечательный из романистов двадцатого века Марсель Пруст, в огромной своей эпопее, наряду с чисто-художественным вымыслом передает эпизоды и душевные состояния чересчур биографические, документировано-точные, не преображенные вдохновенной писательской волей». [Фельзен 1932: 124-125]. Критика была единодушна, объявив Фельзена русским «прустианцем». Влияние Пруста на Фельзена было несомненным, как и его преклонение перед Прустом. Правильнее было бы говорить об общем влиянии того метода в новейшей европейской литературе, который обозначился словами «поток сознания» и «внутренний монолог» и который связывается с именем не только Пруста, но и Валери Ларбо, и других новейших европейских писателей. Все три романа Фельзена - «Обман» (1931 год), «Счастье» (1932) и «Письма о Лермонтове» (1936) - написаны либо в форме дневника, либо полудневника и полуписем, обращенных от «я» романа к некой Леле. Этот нескончаемый роман плетется как кружево, из мелких деталей, весь развивается во внутреннем плане, без всякого внутреннего действия. У Фельзена нагромождение прилагательных, его длинные абзацы, в которых придаточные и вводные предложения цепляются одно за другое - все это имеет сходство с Прустом. Тема романов Фельзена - любовь и ревность, кропотливый анализ со стороны «я» его любви к Лёле, настойчивое копанье в себе, сопровождаемое философскими размышлениями о самых различных материях, о литературе, искусстве и пр.

В. С. Варшавский так же явно шел в русле парижской школы, учился у Пруста и Джойса, но цельности Фельзена в нем не было. Б.Поплавский так объяснил тяготение молодых писателей к западной традиции: «Мы были разные. <…> Затем мы стали тем, что полюбили» [Поплавский 1993: 112].

Второй рассказ Н. Берберовой, «Повелительница» (1932 год), был поворотом, по словам В. В. Вейдле, к «хорошо расчищенным садам французского романа». Что-то французское было во всем строе, во всей атмосфере этого романа, как и в его офранцуженной русской героине, Лене Шиловской.

Гайто Газданов писал статьи, эссе, заметки о многих французских писателях и поэтах. В его произведениях часто упоминаются имена французских философов, композиторов, художников (Ларошфуко, Сен-Симон, Вольтер, Монтень и др.). Знание французской культуры не могло не наложить отпечатка на его прозу, отражаясь на ее характере и стиле, а также и на него самого.

Как пишет в своей книге А. Зверев, проза и эссеистика Гайто Газданова, наравне с поэзией и прозой Б.Поплавского, стали органической частью не только русской, но и новейшей европейской литературы, что отмечалось еще их современниками. Например, Р. Гуль сравнивал «Дирижабль неизвестного направления» Поплавского с творчеством Бодлэра и Рембо, а также с поэзией новейших французских поэтов (Р. Шара и др.). А. Зверев, ставит «Ночные дороги» Газданова в один ряд с «Путешествием на край ночи» Селина, относя эти романы к литературе, получившей название «романа экзистенциального приключения». Автор не говорит о влияниях или заимствованиях, т.к. «русские, французские, американские ядовитые цветы выросли на одной и той же парижской почве накануне всемирной катастрофы, в похожей атмосфере [цит. по Туниманов 2004: 208].

Тем не менее, нужно отметить то, что молодую русскую эмигрантскую литературу 20-30-х гг. отличал от произведений западных тот привкус тоски по потерянной России. В послевоенной прозе Газданова акценты в содержании произведений несколько сместились. Появились романы и рассказы, написанные только на французские сюжеты с французскими героями.

М. Раев пишет: «Особый вклад авторов молодого поколения заключается не столько в стилевых новациях и экспериментах, сколько в выборе тем и способе их раскрытия... Они отошли от узкого понимания натурализма, все чаще делая акцент на психологии отдельной личности, ее реакции на чуждое и необычное окружение...» [Раев 1994: 145-146].

Сближение русской и французской литературных традиций берет свои истоки еще с Ивана Тургенева. Он является первым русским писателем, которого Европа открыла для себя и с этого времени русская литература становится явлением не только европейской, но и мировой культуры. Но рядом с русскими писателями, продолжавшими писать только на русском языке, ассимилируя две культуры и другой менталитет, есть много талантливых писателей - русских по происхождению, но ставших французскими писателями. Например, Анри Труайя (Лев Тарасов), начавший сразу как французский писатель и получивший Гонкуровскую премию, или Зоя Ольденбург, французские исторические романы которой из средневековой жизни тоже были премированы, и которая тоже начала писать сразу по-французски, Натали Саррот, Эльза Триоле и многие другие.

Газданов был подвержен некоторому влиянию и западной литературы, и русской, и даже недолгому влиянию советской литературы, но он создал свой собственный стиль и проявил себя самобытным писателем.

Список использованной литературы

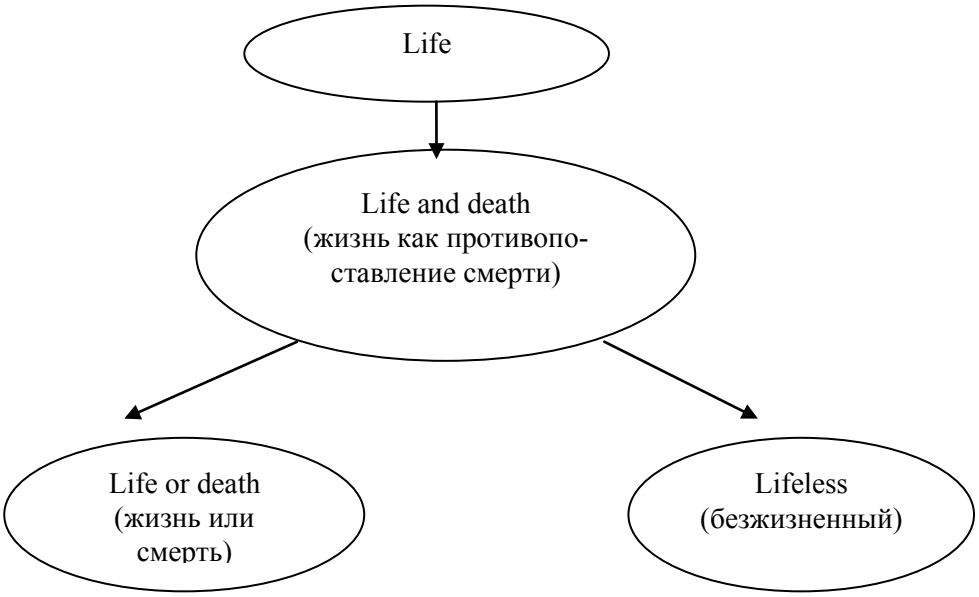
1. **Поплавский Б.** Из дневника // Звезда. - 1993. - № 7.
2. **Раев М.** Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919-1939; 1994.
3. **Слоним М.** Литературный дневник. Два Маяковских. Роман Газданова // Воля России. – 1930. - № 5/6.
4. **Струве Г.** Русская литература в изгнании. – Paris: УМСА-Press, 1984.
5. **Туниманов В. А.** Литература русского городка на Сене // Рус. литература. – 2004. - № 3.
6. **Фельзен Ю.** О Прусте и Джойсе // Числа. – 1932. - № 6.
7. **Robert Sebastien et Wsevolod de Vogt.** Rencontres, Cahier de la quinzaine, Soirées franco-rusee 1929-1930.

«ЖИЗНЬ - ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ СМЕРТИ» И «ЖИЗНЬ КАК КАЧЕСТВО» В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРУКТУРАХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Кузнецова Н. В.
Мичуринский государственный аграрный университет

Сравнение словообразовательных структур ядерных лексем *life / жизнь* показывает присутствие фрагмента, где жизнь противопоставляется смерти. Обратимся к схемам.

Схема 1. *Жизнь - противоположность смерти в английском языке*



В английском языке в этом микрополе можно встретить обязательное использование ядерной лексемы как в составе словосочетания, так и необходимую составляющую для дальнейшего словопроизводства, причем *жизнь* и *смерть* в словосочетаниях могут рассматриваться как два взаимосвязанных процесса (*life and death*), так и в рамках противопоставления, типа *life or death*. Для указания присутствия смерти, отсутствия жизни в микрополе используются негативный суффикс(*lifeless*- безжизненный).

Сравнение показывает, что в русском языке в отличие от английского возможность противопоставления жизни и смерти не образует самостоятельного поля, а является элементом микрополя как качество.

В русском языке для образования лексемы *живой* в качестве противопоставления мертвому употребляется ядерная лексема с изменениями. Сравните, *жизнь-живой*. Согласно этимологии, это слово восходит к лексеме *жив, живо*.

Наличие большего числа различий, чем сходств данных микрополей доказывает дальнее родство сопоставляемых языков.

Кроме фрагмента, где жизнь противопоставляется смерти, сравнение словообразовательных структур ядерных лексем *life/жизнь* выявило присутствие фрагмента "жизни как качество" свойственно как английскому, так и русскому языкам. Обратимся к схемам.

Сходство данных полей проявляется в самом их существовании, а структура их полностью специфична.

Относительный момент сходства определяется в употреблении ядерной лексемы как словообразовательного элемента. Сравните: английский life like и русский жизненный.

Поговорим отдельно о специфике этих микрополей. В английском микрополе словообразовательной структуры дают характеристику жизни как качество, исключительно выражая сравнение с имеющимся оригиналом: life like (сходный с оригиналом), life-size (в натуральную величину).